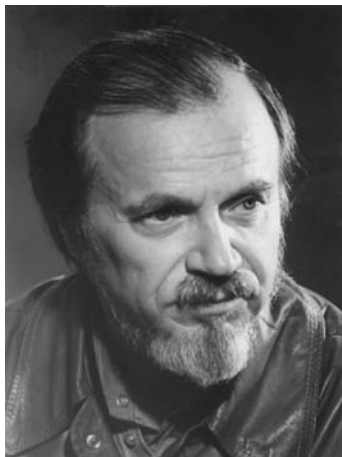

ЛЕВ СМИРНОВ

А РОДИНА ВСЁ НАМ ПРОЩАЕТ...

БАЗАР МОЕГО ДЕТСТВА

В парусиновых драных ботинках своих
Под блаженною сенью базара
Я бродил меж кастрюль и свистулек кривых,
Пустоглазый, без Божьего дара.

Никаким ремеслом, разрази меня гром,
Я в ту пору владеть не пытался
И на торжище том меж людьми дураком
Лишь заради утробы толкался.

Ел ломоть дармовой, пил с ладони кумыс,
Бога славил за эту отраву,
А уж семечек жареных сколько погрыз
Из дырявых мешков на халяву!

В доску свой меж корзин и оглобел чужих,
К Пасхе женщинам Божье яичко,
А с окурком в зубах — так уж чуть не мужик,
В поредельх мильонах — затычка!

Вкруг меня весь базар и пестрел и густел:
Не пришелец ли я из Вселенной?
А в карманах моих только ветер свистел
Свежий, радостный, послевоенный.

СМИРНОВ Лев Васильевич — известный русский поэт, автор многих поэтических книг. Живёт в Москве.

МУЗЫКА ЭТИХ ИМЁН

Где же вы, вейлка, прялка и жнейка,
Векша, рябинник, желна?
Плачут в груди они, словно жалейка,
Детские те имена.

Музыке этой внимали веками
В избах, в чертогах, в лесах.
Трогали взглядом, ласкали руками
Всё, что развеялось в прах.

Где же вы, странные, словно ведуньи,
Что же не кажете глаз?
Вдруг среди ночи нагрянет раздумье:
Лучше ли людям без вас?

Всё, что обыденным в жизни казалось,
Нынче диковинней сна.
Множество рук этой вещи касалось —
Вещью стала она.

Где же вы, вежи, мережи, кичиги —
Перлов бездонный ларец?
Все вы ушли в золочёные книги,
Там вам, родным, и конец.

Только лишь памяти детской довольноно
В круговороте времён, —
Чтоб вспоминать и внимать богомольно
Музыке этих имён.

РУССКАЯ СКАЗКА

Над землёй моей колоколен звон,
А в руках — бутылъ, а в ногах — река.
Посмотрел бы вверх, да мешает лень,
Посмотрел бы вниз, да гнетёт тоска.

На дороге чёрт понатыкал вех,
Ядовитый дым — от живой росы.
На дворе уже двадцать первый век,
Всё идут, идут на Руси часы.

Скомороший смех средь кровавых плах, —
А ещё душе разгуляться где ж?
А в одном глазу у нас Божий страх,
А в другом глазу — грозовой мятеж.

Византийский лик, дославянский мрак.
Можно всё решить, только впрямь решишь!
Я дурак с пелён, но и ты дурак,
А сложить нас всех, и выходит — жизнь.

От земной красы можно в немочь впасть,
Сколько рощ, и рек, и золотых камней...
А посмей украсть — будешь волчью пасть
Вместо рта носить до скончанья дней.

* * *

Солнце за чащей уже куролесит,
Гусь в синем небе гогочет...
Но почему же никто в этих весях
Доли счастливей не хочет?

Церковь застыла... И колокол главный
В небе сейчас заклокочет.
Вот стала сызнова Русь православной,
Жить только трезво не хочет.

Всё подсчитали — но вышла ошибка,
Душу неведение точит.
Хоть наш мужик и не мудрствует шибко,
Жить, как прикажут, не хочет.

Из дому выйдешь — сараи косые,
Ветер осину курочит...
Вроде навеки уснула Россия,
Вроде гремит и грохочет.

* * *

Есть у русского жителя что-то от птицы,
Его родина — купол небес.
Потому он так добр, и плетёт небылицы,
И растит ко всему интерес.

Устремлялся всю жизнь на восток и на север,
Плуг тянул изо всех своих жил...
Но как будто не жил, не пахал и не сеял,
А высокому небу служил.

Своего ли во всём домогался предела,
Не жалея ни сил, ни добра?
Сколько даром на бедную землю слетело
С его крыл золотого пера!

Всё раздал, от души отрывая ранимой,
Сам же свой и развеял очаг.
Полетал, полетал над Великой равниной,
Лишь тоска и застыла в очах.

Навсегда присягнувшему гордой Отчизне
С византийским орлом на гербе,
Не хватило ему лёгкой радости в жизни
И печали земной о себе!

РОК-ПЕВЕЦ

Он родился в сиротской норе,
И язык свой освоил не сразу,
И молитву проспал на заре,
И поддался чудесному сглазу.

Стал он богом... Гитару достал,
В тот же миг уподобился битлу, —
И кричал, что Бурлёва проспал,
Прозевал Куликовскую битву.

Его родина долго ждала,
Колыбель его тайно качала,
И теперь, раскалясь добела,
Лишь об этом гитара бренчала.

Над его головой, вместо нот,
Проплывали созвездья по небу.
Русский вопль раздирал ему рот,
Одному сатане на потребу.

Но он гнул и курочил своё
Вперекор мировому разладу,
И Святых прославлял житие,
И хрипел, и плясал до упаду.

СВЯТЫНИ

Ты ходил с римским Цезарем в скорбный Синай,
Воевал мировые задворки...
А во сне с губ срывался родной Разгуляй
И какие-то Вшивые Горки.

На галере, прикованный цепью к скамье,
Грёб устало сквозь шторма угрозы, —
Но к тебе прикасалась в египетской тьме
Золотистая ветка берёзы.

Погибал, как разбойник, в каком-то порту,
Не рядился ни в тогу, ни в рясу.
Перед Стиксом обол свой катая во рту,
Ты молился российскому Спасу.

Дом казённый забыл, и свой меч, и латынь,
И рабынь после шумной попойки.
Вспомнил лишь из погубленных в жизни святынь
Колокольчик владимирской тройки!

* * *

Поглядите, я — ангел небритый,
Обделённый тюрьмой и сумой,
Чьей-то пулей в упор не убитый,
Не сожжённый в пустыне чумой.

Я во всём без вины виноватый,
Жизнь проживший без шума — увы!
Этот мир, нищетою богатый,
Не идёт из моей головы.

Золотая не помнит подкова
Ни коня, ни седла, ни следа.
Нынче вымолвить доброе слово —
Всё равно что сгореть со стыда.

От аптеки и до гастронома —
Весь мой путь на всемирных ветрах.
Нынче выглянуть ночью из дома —
Всё равно что развеяться в прах!

* * *

Мы Родину нашу любили
Со страстью бродяг и хлыстов,
И мы ещё не позабыли
Те кровельки древних крестов.

И Родина всё нам прощает —
И гнев наш, и поздний наш ум...
И тот же костёр обещает,
В котором сгорел Аввакум.

ЧИСТИЛИЩЕ МОЕГО ДЕТСТВА

Вижу снова себя под звездой невесёлой,
Но на жизнь свою зла не держу.
Перед дверью Чистилища, слабый и голый,
С металлической шайкой дрожу.

Чтоб совсем не пропасть в клубах вечного пара,
Среди адских утех и морок,
На запястье моём, пуще Божьего дара,
Жестяной прикреплён номерок.

Дверь толкает мужик, хмурый, как проповедник,
И глядит на меня свысока.
А на брюхе скрипит жутковатый передник,
А в глазах леденеет тоска.

В низкой мочной плавают мёртвые лица,
И дыханий редееет уток.
Череп, позвоночники, рёбра, ключицы
Заливает крутой кипяток.

Я гляжу, как мочалка гуляет по кругу,
Как загробный свершается труд,
Как взаимно багровые спины друг другу
Волосатые призраки трут.

Я гляжу, как народ этот немногословный
Свою холит и мучает плоть, —
То ли к чарке хмельной и забаве любовной,
То ли к встрече с тобою, Господь!